

C. G.

Тяжелое утро

История о том, как нелегка жизнь в наше непростое время

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

С. Г.

Тяжелое утро, или История о том, как нелегка жизнь в наше непростое время

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63091712

SelfPub; 2020

Аннотация

Вечером ты хочешь забыться и напиваешься до предела, а утром уже не можешь узнать себя. Что произошло? Тебя как будто подменили. Или подменили все вокруг тебя? Мир стал адом, или ад стал миром? Ответ есть. И он тут. Содержит нецензурную брань.

С. Г.

Тяжелое утро, или История о том, как нелегка жизнь в наше непростое время

– Мрачновато сегодня...

Пьяные люди столпились под навесом. Они курили, смотря на мелкий дождь.

Морось больше походила на туман, рассеивая яркий свет от вывески "бар Толстый фраер".

– Просто холодно – ответил кто-то, выпуская ртом толи дым, толи пар.

Приглушенный гул поднимался из подвального помещения бара. Люди спускались по укрытой от дождя узкой лестнице обратно в заведение. Туча голосов вырывалась оттуда каждый раз когда кто-то открывал тяжелую дверь.

Столики по четыре человека наполняли помещение бара. За одним из столов, стоявшем в дальнем от входа углу, куда еле дотягивается свет от ламп, сидели четверо.

Сутулый длинноволосый мужик с бородкой радостно об-

нимает одной рукой сидящего с ним рядом причесанного блондина в пальто и заявляет:

– Я очень рад за твоего брата! Надеюсь, его ребенок будет таким же прекрасным человеком, как и ты!

Блондин с ухмылкой косится на сидящего против него длинного bruneta с пробором. Тот отвечает взглядом исподлобья. Блондин обращается к длинноволосому:

– Я сказал, что у меня родится брат. Но неважно... Давайте просто выпьем за мое счастье!

Длинноволосый:

– Мне в общем-то не важно за что пить, когда угощают!

Он берет за стакан. Рыжий щетинистый парень напротив него уснул, прислонившись к стене. Волосатый стал тормошить его за плечо.

– Вставай, парень. Будем пить за счастье-е... – он со смущенной улыбкой поворачивается к блондину – а имена у вас я и забыл спросить...

Тот, отрывая уже поднесенный стакан ото рта, обращает

глаза на длинноволосого, улыбается, будто тоже в смущении, и отрицательно покачивая голову, машет рукой, мол "не важно".

Длинноволосый поворачивается обратно к своему рыжему приятелю.

– Ну, в общем за счастье!

Рыжий с трудом открывает глаза.

– А...?

– Вот, пей.

Волосатая рука поддвигает золотистый извергающий пену стакан к нему.

Он хватается за тару и начинает глушить.

Лицо под свалившейся длинной челкой повторило смущенную улыбку. Блондин с довольным лицом приподнял стакан и тоже приступил к опустошению. Рыжий откинулся на спинку. Оставшиеся двое повторили церемонию. Допив, брюнет с пробором исподлобья посмотрел на длинноволосого.

Тот обратился к блондину:

– А что этот недовольный какой-то? – он кивнул на брю-

нета,— И молчит все время?

— Такой характер.

Белобрысый, насупив брови, посмотрел на своего товарища. Тот достал сигарету и прикурил.

Рыжий заерзал.

— Мне надо в туалет — сказал он.

Блондин пнул товарища напротив и указал глазами на рыжего. Брюнет произнес свои первые слова за вечер:

— Мне тоже надо.

Белобрысый обращаясь к длинноволосому:

— Я схожу с ними, а ты пока посиди тут, будь добр. Мы сейчас вернемся.

Дылда с пробором встала и выпустила рыжего из-за стола. Тот вяло поплелся за угол, туда, где туалет. Оставшиеся двое потащились за ним.

Волосатый, ссутулившись, уткнулся в стол. Он водил жареную картошку по блюдцу с соусом, так, будто гадает на кофейной гуще.

Прошло минут пять. Один за столом, бедняга стал тыкать зубочисткой в обшивку кресла. За его спиной послышалось, как жужжание сотни ртов выплюнуло звон бьющегося стекла.

Казалось, что каждые пять минут он менял занятие, и теперь он сдирал отслаивающиеся куски обоев. Он уже готов был приступить к вылавливанию бычков из стаканов, когда блондин в своем пальто и длинный брюнет неожиданно выскочили из-за угла, ведущего в туалет. Он шли быстро и уверенно.

Длинноволосый спросил:

– Почему вы так долго?

Они мельком покосились на него и с ветром пронеслись мимо.

– Вы куда?

Более не обратив на него внимания они вышли из бара, аккуратно прикрыв за собой массивную дверь.

Длинноволосый удивленно смотрел на громадину, выпустившую этих двоих. Гул в его ушах мешал понять происходящее.

Рыжего все не было. Волосатый с волнением встал из-за стола и завернул за угол, ведущий к туалету. Длинный узкий

коридор оканчивался пластиковой дверью уборной. Пройдя мимо давящих стен, он открыл белую хлипкую дверь. Его встретило большое зеркало, висящее над раковинами, обрамленное надписями и дерьмом мух.

– Арсений! Ты тут?

Никто не отозвался и он начал рыскать по кабинкам. Так он дошел до последней, самой широкой по сравнению с остальными. Открыв ее, он увидел валяющееся между стенкой с грязной липкой плиткой и потрескавшимся унитазом рыжеволосое тело. Ремень у него был расстегнут, а штаны приспущены.

– Господи, эти пидоры тебя изнасиловали!

Он бросился поднимать его. Рыжий не сопротивлялся, лишь мычал что-то. Длинноволосый осмотрел его на предмет побоев. Все, что он нашел, это аккуратно вырезанный промеж сосков перевернутый крест.

– Что это за хреновина? Ты не сопротивлялся?

Рыжий глухо мычал. Он открыл слипшиеся глаза – его белки покраснели.

– Господи, что они с тобой сделали... – лицо под сбив-

шейся длинной челкой изобразило глубокую печаль. Он обнял приятеля и начал плакать – Я виноват, что мы пошли с ними, – ВСХЛИП -, это я им поверил!.. – ВСХЛИП -, по ним видно было, кто они... – начинает рыдать рыжему в плечо.

– Пошли, я отведу тебя домой...

Он поднял друга, взвалил его на сутулую спину, обнял его рукою свою шею и потащил через грязную, желтоватую, как зубной налет, плитку, через белую хлипкую дверь по коридору, который ведет из уборной. Он тащил его через весь бар, мимо столиков с оборачивающимися людьми, людьми воющими на них, смеющимися над ними, людьми остервеневшими от хмеля. Он с натугой навалился на массивную дверь, ведущую к широкой лестнице, открывающей путь из бара, путь до голгофы.

*****

– Ты живой?

Гулкое эхо разлетелось по просторному подъезду. Два силуэта сидело на сколотых каменных ступеньках среди пятен от чего-то липкого и следов ботинок на этих пятнах. Следы уходили дальше, на лестницу в шесть этажей.

Освежающая уличная морось, видимо, вернула силы ры-

жему мученику и он уже мог говорить.

– Думаю он мертв, – натужно и несуразно ответил он.

Голос его стал сиповатым и трескучим, а в полутьме было видно, что белки его глаз полностью налились алым, оставив лишь черные точки по центру.

– Чем же они тебя накачали? Твари... – высокие сводчатые потолки съедали отгласы разговора и выплевывали обратно неразборчивые слога – госспо-поди, они те-ебя паравдда в-Йебб-Аа!ли?

– Закрой рот, дрянь! Никто меня не трР-ах-Хал!

Сутулый силуэт длинноволосого дернулся. Голая лампа, тянувшаяся на длинном проводе с потолка лишь чуть задевала их спины светом, но этого хватало чтоб ощутить его удивление.

– Пойдем, я уложу тебя, – длинноволосый взял друга за плечи.

Тот грубо оттолкнул его руки и расхлябисто поднялся. По подъезду растекся волнами явно обиженный и растерянный голос длинноволосого:

– Лифт тут есть хоть?

Он знал что лифт есть.

Лифт был за поворотом, налево от них.

Обиженный товарищем, он подошел к дверям и с пренебрежением нажал кнопку вызова. Она загорелась красным и была совершенно не похожа на глаза плетущегося к лифту Рыжего обидчика. Его глаза были демонически-красными, полностью залитые, как шарики с кровью. Он подошел к стене возле лифта, оперся на нее вытянутыми руками и опустил голову между ними. В этой позе он напоминал своего сутулого друга.

Лифт спускался туго, с жужжанием и скрипами. Длинно-волосый сутулый с местами просевшей бородкой косился на рыжего, который уперся в стену глубоко дыша.

Жужжание прекратилось и где-то сверху послышался звук раскрывшихся дверей. **СКОЛЬКО МОЖНО?** Волосатый с нетерпением нажимал горящую кнопку вызова.

Лифт продолжил спускаться, о чем свидетельствовали истеричные лязганья и плотный гундеж из шахты.

Щель между дверьми начала заполняться светом. Звуки замерли.

Громко, с ударом раскрылись автоматические двери. Подъездный мрак захлебнулся в вылившемся из кабины теплом свете.

Рыжий не меняя своей стойки повернул голову.

Из лифта вышел длинный парень в грязных джинсах и потускневшем черном пальто. Он пах как вспотевшая пепельница.

Парень из лифта сказал:

– О, привет.

Длинноволосый поклевал воздух в знак приветствия и повернулся на Рыжего.

Тот зашевелился.

Уже уходя, длинный в джинсах обернулся на входящих в лифт. Двери с ревом задвинулись, жужжание оживилось.

В лифте не было зеркала. Он был настолько тесным, что вряд ли кто-то захотел бы смотреть на себя так близко. Красным горела кнопка по над цифрой "5".

Рыжий глядел в упор на соседа по лифту. Взгляд из под насупившихся бровей впивался в смущенные глаза под сползшей челкой из влажных волос.

Лампа в кабине начала с треском мигать.

– Чего ты так смотришь? – растерянно произнес длинноволосый.

Рыжий растянул улыбку до самых ушей. Из его нутра раз-

неслись булькающие звуки, он нагнул торс, обхватив свой живот, и феерично сфонтанировал рвотой непосредственно на тело соседа. Брызги покрыли все стены лифта.

– Твою мать, парень!

Лифт резко остановился. Двери открылись с привычным ревом. Волосатый вылетел оттуда как бейсбольный мяч. Рыжий продолжал улыбаться.

Отгласы слов все так же гуляли по подъезду.

– Может тебе врача вызвать? – оттягивая пропитанную внутренними соками рубашку голосил длинноволосый, – Это ужасно! – он отворачивает скуксенную морду от зловонной одежды.

– Куда? – вертясь на лестничной площадке просипел Рыжий.

– Ну сюда.

– Заходить куда, идиот! Ты куда меня притащил, дрянь!

– Боже, парень, ты конкретно не в себе, – он посмотрел на рыжего с жалостью и испугом – Мы у тебя. Не узнаешь?

Он кивает на дверь, обитую старой потрескавшейся кожей. По ее краям с обеих сторон было навешано множество звонков разной формы, над каждым было какое-то число.

– Ты достанешь ключи? Я открою.

Волосатый жалостливо сводит брови то ли от боли за друга, то ли от едких паров рвоты с его одежды.

– Какие ключи, урод? Ты за кого меня держишь? Может хочешь меня трахнуть?! Хочешь тТра-Ах-тХну-уть – так и скажи! Ну давай, – его сиплый голос переходит в рев – давай, что ты! – он звучит так, будто каждое слово рвет ему глотку.

– Успокойся, парень. Прости, я не хотел задеть! – глаза длинноволосого округляются под свалившийся челкой.

Рыжий скинул свою куртку из черного кожзама. Волосатый подошел к ней и достал ключи. Рыжий не остановился и начал пытаться стянуть с себя толстовку, но запутался в ней.

– Твою мать! Что за дерьмо?

– Господи, да прекрати.

Длинноволосый подвалил к двери и перебрал пару ключей

из связки отворил дверь.

Темнота коридора отстранилась под напором света из подъезда.

Длинноволосый взял все еще брыкающегося в перекрутившейся толстовке рыжего за плечи и повел в квартиру.

– Пусти, урод. Не трогай!

– Заткнись – раздался суровый шепот, – все спят еще.

Рыжий начал мычать и скулить извиваясь в широкой кофте, заточившей его голову и тело как смирительная рубашка.

Ему пришлось поддаться этому насильственному паломничеству и дать довести себя до комнаты через мрак коридора, который, разумеется, не сравнится с непроглядной темнотой, застывшей под тканью свернувшейся кофты.

Под кофту просачивались звуки мерных шагов и скрипящим под ними паркетом. Раздался звук открывающейся двери.

Волосатый помог снять этот саркофаг с запыхавшегося друга.

– Не вертись, дружище...

Безжалостный свет вонзился в глаза рыжего. Он оказался в маленькой комнате, обставленной ГДРовскими шкафами

и тумбочками. У одной из стен стоял потрепанный диван, застеленный как кровать. Спинка потерлась и накопила на себе множество пятен.

В комнате было два окна, и оба были на одной стене, напротив двери. В пробеле между ними была старая труба от батареи, обои вокруг которой почернели от влаги до самого потолка.

С улицы в окна прилетали первые рассветные лучи.

– Ну и дерьмо!

Длинноволосый обвел взглядом прислонившегося к шатающемуся шкафу и спустившегося по нему на корточки друга.

– Что дерьмо?..

Он покосился на стену, на которой висел выцветший плакат с девицей в тонком купальнике, прилёгшей на пляже. От времени ее купальник стал ядовито-желтым, а море местами отдавало фиолетовым.

– Все дерьмо! И ты дерьмо! Вали отсюда!

Недовольное лицо на сутулой спине прищурилось.

– Ну как я тебя оставлю? Ты совсем не в себе.

Рыжий зашипел. С корточек он бросился на длинноволо-
сого и начал выталкивать его.

– Убирайся!

– Да... Чт... – Длинноволосый силился как-то усмирить
бесноватого, хватая его за руки.

– Убирайся, сука, тварь!

Стоя на коленках, буйный все дальше проталкивал друга
за порог. Он начал царапаться.

– Ладно, хрен с тобой, рыжий черт!

Он вышел, замахнувшись хлопнуть дверью, но, видимо,
вспомнил о соседях и аккуратно ее прикрыл.

Бесноватого пробрало на смех. Он накатывал по нараста-
ющей, с меняющейся амплитудой и частотой.

– Чер... – он не смог закончить слово, смех его распластал
– ТЬ...ТЬ...ТЬ...ТЬ...

Еще один взрыв. Хохот перекатывался по всей комнате и

просачивался в прихожую...

Раскаты смеха постепенно затихали.

– Черт!.. Рыжий черт!

Его красные глаза были влажные от слез. На щеках остались следы от соленых ручейков.

Рыжий черт успокоился. Он поднялся и подошел к зеркалу на шифоньере. Взглянув на себя, он помотал головой и провел рукой по копне коротких рыжих волос.

– В самом деле рыжий.

Он ударил по зеркалу кулаком. Одна его половина разлетелась в тонкие осколки и упала на паркет, а другая осталась на дверце шифоньера.

Из все еще сжатого кулака начала сочиться кровь.

В этот же момент на его майке начало растекаться красное пятно. Бесноватый, пробуя свои силы, пытался порвать майку. Она издавала натужные трески, но никак не поддавалась.

– В кого они меня засунули?

Ему пришлось стянуть ее, чтобы увидеть в оставшемся куске зеркала раскрасневшийся, кровоточащий перевернутый крест на груди.

Он глубоко дышал. Крест будто прожигал тело, создавая лиловый ареол.

Бесноватый поводил пальцем по своему кресту и стер красные подтеки на его краях. Крест быстро перестал источать кровь и стал с живостью зарастать, таять на теле как шоколад на языке. Через пару мгновений лишь лиловое пятно осталось на его груди.

Он взглянул в оставшийся на дверце обрывок зеркала и тот визгливо треснул, изрубив отражение, и осыпался вниз. Одержимый напрягся всем телом, его жилы набухли, кожа обтянула каждый бугорок.

Шкаф, недавно имевший на себе зеркало, затрясся, будто моля о пощаде. Одежда внутри зашуршала. Громадина туго наклонилась и шлепнулась на осколки своего зеркала.

Глухой удар рассеялся по всей квартире.

Из-за стен слышались скрипы, отдаленные голоса.

Одержимый сел на шкаф, лежащий спиной к потолку, и начал крутиться, осматривая комнату. На хлипкой полочке возле окна он заметил среди книг и разных фигурок образков Николая Чудотворца в золоченой рамке, стоящий рядом с пластиковой собакой в рождественском колпаке.

Напрягшись, он провел взглядом полетевший, будто выплунутый полкой, образок. Встретив пляжную красотку на соседней стене золоченая рамка разлетелась. По инерции в девицу, развалившуюся на пляже, прилетели собака и металлический паровозик.

Труба между окон начала звенеть. Снизу кто-то усердно стучал по ней. Рыжий поднялся.

Вдруг дверь за его спиной начала дрожать в проеме, передавая чьи-то тяжелые удары. Бесноватый на секунду обернулся.

Снизу приглушенно послышалось:

– Оставь ты эту трубу, идиот!

– Да пошла ты! Ты слышала что они там устроили? – можно было уловить, как после очередного звонкого стука по трубе, она лопнула, и мерно начал шипеть кипятик.

Удары по двери оглушали.

– Вали! – отчеканил Рыжий без церемоний.

На секунду удары замолчали.

– Ты охерел? – прогудел кто-то с другой стороны.

Ручка двери сама повернулась и дверь отворилась. Из-за нее показался плечистый белобрысый мужик в трениках и белой борцовке из под которой вылезал золотой крестик на веревочке. Его внушительная ладонь держалась за ручку.

– Ты че здесь устроил, мудила?

Рыжий бешено подался к нему с визгом "Я тебя порву!".

Мужик с ходу втащил по скривившейся от злобы челюсти одержимого. Рыжий плавно лег на скрипучий паркет.

Мужик подошел к нему и наклонившись начал с треском бить по щекам.

– Ты слышишь меня? – округленные от удивления глаза рыжего таращатся то на суровое лицо мужика, то на свисший с шеи крестик.

ШЛЕП ПО ЩЕКЕ.

– У меня детям в школу, жена спит после смены.

ШЛЕП ПО ДРУГОЙ ЩЕКЕ.

Маленький блестящий крестик качается из стороны в сторону, будто в руке гипнотизера.

– Я вызывать ментов не стану – если я вернусь, я тебя сразу убью.

ЕЩЕ РАЗ ШЛЕП ПО ЩЕКЕ.

Испуганный взгляд тупо впился в лицо мужика. Щёки ры-

жего налились кровью, как его демонические глаза.

– Ты меня понял?

ФИНАЛЬНЫЙ ШЛЕП ПО ЩЕКЕ.

Мужик выпрямился.

– Ты чем обдолбался, Сеня? Че у тебя с глазами?

Бесноватый одуревше косил на него взгляд с пола.

– Ну ты меня в общем понял...

Он ушел, прикрыв дверь.

*****

Шепелявый ор телевизора пробивается сквозь тонкие стены.

За розовыми цветочками выцветших обоев кто-то щелкает каналы.

– ШШШШ... шестой день чемпионата...ШШШШ... шорты из эластичной ткани подчеркнут ва...ШШШШ... с оглушительным шумом поднялась ракета!...ШШШШ...

смех, аплодисменты... ШШШШ... вашей собаке это понравится... ШШШШШШШШ...

Из игристого шипения помех выделился визгливый струнный оркестр, играющий какой-то вальс...

Будто в страстном хороводе вокруг горящей лампы у самого потолка кружились разноцветные фигурки. Похоронно сложив руки на груди и с безразличием в лице бесноватый смотрел на все это с пола. Он следил за криво окрашенным фургончиком "Coca-Cola", бесшумно парящим по круговой траектории перед кружкой с надписью "АРСЕНИЙ". Глаза циклично ходили по кругу, будто ложка, размешивающая сахар.

День беспардонно пробивался в окна, накладывая на одержимого поверх искусственного свой вандалистский солнечный свет. Рыжие волосы на голом торсе поблескивали. Алое пятно меж сосков становилось розовым.

Через старый паркет доносилось:

– Менять, разумеется, надо. Зачем вы вообще трубу трогали?

– Вы бы слышали какой концерт соседи устроили...

За дверью в коридор что-то оживилось. Рыжий приподнял голову с паркета и уставился на дверь, сделав свою шею по-

хожей на гармошку. Сверху что-то мягко стукнуло и на пол с грохотом рухнул весь хоровод. Красные глаза бешено округлились, а напрягшиеся руки подняли торс.

Снизу послышалось:

– Вот, слышите, опять!

Животный взгляд вцепился в дверь. В прихожей что-то еще немного пошуршало и подъездная дверь громко захлопнулась. Руки одержимого подкосились и его торс шлепнулся обратно на пол.

Вскоре прозвенел звонок. Нетерпеливый и назойливый, он своим гнусавым визгом звал к входной двери. Прихожая снова оживилась и послышалось щелканье замка.

Недовольное бурчание из-за стены было неразборчивым. Стук в дверь.

В комнату протиснулась девушка в летнем платье под джинсовкой. Входя она мелко процокала каблуками туфель.

– Ты что устроил?

Тяжелый укоризненный взгляд упал на лежащего среди стекла полуголого одержимого. Он приподнял голову, и увидев тонкую недовольную фигуру с облегчением отвернулся.

– Почему до тебя не дозвониться?

Реакции не последовало.

– Ты в себе вообще?

Звучно шагая по паркету туфлями девушка подошла к лежащему. Разбитое стекло кряхтело под подошвой.

– Что у тебя с глазами? Боже! Ты что делал? Опять с этими бомжами развлекался?

Она пнула лежащего тупым носом туфли.

– Че молчишь? Слышишь меня?

Одержимый оскалился и с силой оттолкнул тонкие ножки от себя.

– Ты обалдел? – голос перешел в визгливый фальцет – Ты какого хрена тут устроил? Кто убирать это все будет? Я? Я тебе не дом-работница! Не уборщица какая-то! Нахрен ты мне вообще сдался?...

Импотент! Весь разваливаешься! Руки все исколоты! И жалости к тебе никакой уже не осталось. Боже, какая гадкая у тебя жизнь. Ничтожество... Ты за квартиру когда платил?

Она вдруг подняла взгляд вверх.

Твою мать, опять свет включен – нахрена? – она щелкнула выключателем и раскаленная лампа погасла.

– Ты помнишь сколько мне должен? Я одна за твою безответственность платить не буду. Знаешь сколько тот аборт стоил?

Лежащий скупно ухмыльнулся, девушка этого не заметила.

– Боже, о чем ты думаешь? Явно не о работе. Когда у тебя в последний раз были деньги?

Она сурово прошагала к нему.

– Посмотри на меня! Слышишь?

Одержимый повернул голову к нависшей над ним суровой девушке

– После того раза, кажется, понадобится еще один аборт. Слышишь?!

Лицо девушки скуксилось, по щеками скатились слезы.

– Слышишь?!

Девушка скрыла свое лицо под ладонями и отвернулась, вздрагивая плечами. Бесноватый даже крикнул от ухмылки.

– От тебя не добиться никакой помощи!

Девушка начинает нервозно ходить по квартире.

– Ты только бардак и наводишь. Тебе это нравится? Нравится, да?!

Она берет стул и опрокидывает его. Рыжая голова насто-роженно поднимается.

– Так давай я доставлю тебе удовольствие!

Она одним движением сметает все предметы с письменного стола. Книги, статуэтки, чашки, компьютер без лишней скромности летят на пол.

Снизу глухо раздалось:

– Вы вообще там сдурели?!

Одержимый привстал и повернулся к ней. Его взгляд казался обеспокоенным.

– Что, ожил? Ну так давай, помогай!

Она взялась за старую лакированную тумбочку.

Бесноватый поднялся как раз к тому моменту, когда тумбочка громко рухнула на обшарпанный пол.

Он опустил на девушку свой рассвирепевший взгляд. Красные глаза, сами по себе выражавшие природную ярость, пугающе выпучились. Она испуганно сжалась. Одержимый был готов броситься на нее, но в коридоре открылась чья-то дверь. Он моментально стал похож на мраморную фигурку.

Голова повернулась – взгляд замер на двери.

Момент тишины, нарушавшийся лишь настырным шипением телевизора за стенкой.

Бесноватый посмотрел на девушку. Ее удивленный взгляд все это время не отрывался от него.

Он аккуратно направился в сторону двери. В коридоре, казалось, было тихо. С неестественной осторожностью одержимый прокрался к куртке лежащей на разбитом зеркале. Нагнувшись за ней, в осколках он увидел свои два красных глаза. Будто сплетенные из красных волокон, как шарики шерсти, они вцепились в свое отражение кошачьими когтями. Что-то человеческое в них пробудил страх. Кровавая капля выпала из правого глаза на осколки.

– Ты что? – прошептал женский голосок.

Бесноватый опомнился. Взяв куртку, он подошел к двери,

прижавшись к ней и тихонько повернул ручку. Он даже не посмотрел на девушку, оставшуюся в комнате.

– Куда ты идешь? – через силу выдавила из себя девушка.

Он прикрыл дверь.

Взглянув направо, он увидел как из темноты прихожей вырисовывается окруженный светом коренастый силуэт, держащийся за ручку двери. Как только округлая голова и широкие плечи силуэта шевельнулись, бесноватый одним рывком подскочил к двери в противоположной стороне коридора. Посопротивлявшись немного, она открылась и выпустила одержимого в подъезд. Холодный запах рвоты встретил его...

Немного постояв, он натянул облезлую черную куртку из кождама. Как не пытался бесноватый застегнуть ее, молния никак не поддавалась. Он с ненавистью дергал волчек и, наконец, прекратив безнадежные попытки, яростно лягнул заднюю дверь своей тяжелой ногой. Шлепок многократно отразился от стен...

Он испуганно повернулся. Пыльный след ботинка приклеился к потрескавшейся коже. Он посмотрел на него и разочлился еще больше, на этот раз, кажется, на себя.

– Да какого хрена?! Что со мной, падлы?! – волнистым

эхом разошлось по лестнице.

Лампочка ввинченная прямо в стену замигала.

Одержимый поднял ногу и оставил очередную печать своей злобы на дряблой двери. Затрещав, лампочка визгливо лопнула.

Стало достаточно темно, чтоб видеть только тонкую полосу света между дверьми лифта.

Бесноватый подошел к ней и вслепую полапав стену наткнулся рукой на кнопку вызова. Двери тут же злобно разъехались, выпустив свет из кабины наружу. Он шагнул внутрь.

На одной из трех стен, оперативно очищенных от следов утренних шалостей, висела панель с кнопками, по которым вошедший немедленно начать стучать кулаком. Спустя несколько ударов двери сошлись вместе. Несколько кнопок на панели горело. Лифт крякнул и пошел вниз.

После того, как лифт отрезал одержимого от остального пространства, его теснота нагло расширилась и стала давить на пассажира. Жужжание и гул из шахты заставляли кабину вибрировать. Находящемуся там могло показаться, что он внутри перевернувшегося гроба, летящего к чертям в преисподнюю.

Лифт стал трястись. Одержимый вжался в угол и стал колотить по панели – может бес внутри него решил, что он проехал свой круг ада?..

Кабина остановилась, а бесноватого по инерции притяну-

ло к полу, на котором все-таки оставались биологические улики утреннего происшествия.

– Что за дерьмо?

Он поднялся, втиснувшись руками между двумя стенками.

Кабина стояла посреди шахты. Лишь на уровне головы рыжего беса в щелку между дверьми было видно замызганную плитку пола.

– Какого хрена?! – прорычал бесноватый – Как меня уже все достало! – он произвел серию ударов по кнопкам.

– Слушаю вас – прошуршал радиный голос из под дырочек на панели.

– Что это? – настороженно спросил одержимый.

– Что именно? Выражайтесь точнее!

– Твою мать! Тебе что надо?– он уставился на динамик, завязавший с ним диалог.

– Разговаривайте спокойней. Наш разговор не в моих интересах – шипение динамика проявляло черты мужского мо-

НОТОННОГО ГОЛОСА.

– Пошел ты, дрянь!

– И тебе того же, придурок.

– Падла, не зли меня. Ублюдок! Дерьмо!

Последние слова одержимого поглотила тишина.

– Дрянь.

Он плюнул в динамик.

Лифт все стоял.

Бесноватый тоже стоял – с закрытыми глазами и напряженным лицом.

– Какое же все это дерьмо! Это невыносимо!

Лампа сверху заверещала. Свет стал прерывистым.

Кабина начала дребезжать.

Со звериным ревом одержимый воспарил к потолку кабины, приглушив собой мигающий свет.

Его нелепо согнуло: голова и ноги были почти перпендикулярны телу из-за тесноты.

Он издавал адские звуки. Перевернутый крест на его груди снова вырезался и начал пульсировать, источая кровь.

Кабина трепыхалась; все в ней звенело.

Из динамика доносилось прерывающееся шипение. Моментами в нем можно было различить голоса и музыку.

Не прекращая вопить, обрисованный огненным светом лампы, он как астероид, с безжалостной силой сиганул на облеваный пол с потолка.

Кабина со скрипом тронулась.

Одержимый лежал на тесном полу, поджав ноги, будто абортированный эмбрион в ослабевшей руке своей матери.

– Что я здесь делаю, сволочь?..

Неожиданно открылись двери лифта. Одержимый ели успел выползти из этого карцера, прежде чем они прощально сомкнулись.

Хоть это и не первый этаж, зато лестница теперь кажется водной горкой.

Выглядев разбитым, бесноватый вяло поплелся вниз.

Крест на груди снова растаял, а кровь на теле будто впиталась кожей.

Мерные шажки по ступеням отскакивали от стен. Всегда полутемный подъезд погружал бесноватого в свой мрак.

– О, привет.

Первый этаж встретил его знакомым лицом. Длинный, в грязных джинсах и старом выцветшем пальто парень вызы-

вал неприязнь. Его рытвенное лицо и бесформенная прическа заставляли думать, что он моется вместе с одеждой в стиральной машинке.

Одержимый поднял на него свой взгляд.

Они оба остановились.

– Выглядишь ты не очень – уместно заметил мальчик-стиральная машинка.

Бесноватый, не ответив, тронулся с места в направлении парадной двери.

Со спины он услышал:

– Стой, подожди.

Рыжий не реагировал и продолжал напряженно идти к двери.

Длинный парень подбежал к нему и схватил за плечо.

– Не хотел при твоём друге спрашивать. Сам понимаешь – рыжий недовольно повернулся.

Ноздри расширились под красными глазами.

– Вижу ты весело ночь провел... – разглядывая одержимого со снисходительным видом сказал парень.

– Я ведь к тебе хорошо отношусь, – лицо парня исказилось в ухмылке. – А ты, кажется, забываешь про мою доброту...

Помнишь сколько я раз давал тебе дозняки в долг? Ты только не подумай...

Эхо будто крадет слова из его рта:

...Я с тебя не трясу... Ни в коем случае...

Он обхватил его плечи руками. Лицо его пыталось скрыть невольную улыбку.

– Просто хочу напомнить, что если у тебя нет денег, а судя по твоему виду так и есть, мы всегда можем рассчитаться по-другому.

Неукротимая улыбка никак не поддавалась и все время растягивалась.

Бесноватый озлобленно посмотрел на него.

Длинный парень изобразил смущенность.

– Мы можем сделать это прямо сейчас, если ты в состоянии...

Одержимый ударил по изрытой оспой щеке. Длинный парень отшатнулся.

– Ты что?! – ударило будто в ответ многоголосое эхо.

Рыжий вцепился в его пальто.

– Да ты сдурел? Я же не заставляю! Раньше тебя это не смущало! – звучала полифония.

Рыжий подтащил его к себе. Еле дотягиваясь, он ударил туда, где только что была улыбка.

Щелкнули зубы.

– Хватит! Прошу! – отразилось от стен.

Бесноватый повалил парня на четвереньки и взял за копну волос. Красные глаза закатились.

– Перестаньте меня тР-а-Ахх-ать! – перемоло эхом.

Он ударил его головой об окрашенную жирным слоем зеленой краски батарею.

Тот повалился.

– Дерьмо! Твари! Все это не мои проблемы!

Бесноватый ринулся к двери, смотря в пол. Сзади слышно было сопящее дыхание.

Запиликал магнитный замок толстой металлической две-

ри. Его опалило светом миллиардов фотовспышек, будто где-то в небе проходила звездная фотосессия.

Он попал на оживленную улицу, выцветшую под напором солнца. Все казалось туманным от яркости.

Люди мельтешили вокруг, их голоса перемешивались в сумбурный коллаж:

- Смотри! Какое красивое здание...
- Нет, я бы не стал таким заниматься...
- Мой брат сейчас в Америке...
- Я не слушаю такую музыку...
- Он однажды в аварию попал...
- Никто из моих знакомых о нем не слышал!...
- Не трогай меня, пожалуйста...
- Не хочешь выпить кофе?...
- Давай зайдем ко мне...
- У меня что-то с пищеварением...
- Ты играешь на чем-то?...
- Я не ем мясо...
- Не думаю, что это хорошая идея...
- Лето холодное, правда?...
- Помнишь, как я ее однажды?...
- Нет, кажется это была не она...
- Без помощи профессионала, да...
- Ой, а где мои очки?...
- Молодой человек...

- Да вот же, вот...
- Я презираю насилие...
- Он не станет этого делать, ты что...
- Молодой человек!...
- Вообще-то она моя сестра!...
- И что ей дарить тогда?...
- Нет, ты послушай!...
- Подожди, тут не слышно, не бросай...
- Мой дед давно умер...
- МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК!...
- Я не знал, прости...
- МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, ОСТАНОВИТЕСЬ НА СЕКУНДОЧКУ!

Бесноватого схватила тяжелая рука. Он повернулся и увидел крупного человека в форме. Широкая фуражка бросала тень на лицо бесноватого, поэтому он хорошо разглядел грубые черты с острыми скулами и горбатым носом.

– Можно ваши документы?

Рыжий непонимающе трепыхался.

Подошел второй человек в синей форме с фуражкой.

– Откуда идем, дружок?

– Смотри, что у него с глазами – заметил первый.

– Парень, ты употреблял? – прищурившись спросил второй.

Бесноватый прыгал своими красными глазами с одного на другого.

– Что с твоим внешним видом? Почему не застегнут? Жарко что-ли? – просторочил первый.

– Кажется он где-то уже разогрелся – откуда-то из глубины забытия раздался вердикт второго.

Господа в форме с превосходством смотрят на пойманного беса, который с непониманием смотрел на все в ответ.

– Что вам надо?! – просипел одержимый.

– Нам что надо? А ты что здесь делаешь?

– В таком-то виде!

– Ага. Пройдем-ка с нами.

Рыжий уперся ногами в потрескавшуюся плитку.

– Не дрыгайся, парень. Мы тебе и сопротивление припишем.

Бесноватый начал скулить и одергивать пойманные конечности.

– Да ты что, смеешься что-ли!

Один из полицейских ударил его по коленкам дубинкой. Одержимый взревел. Вокруг начала формироваться стена из зрителей.

– Да успокойся ты, придурок!

Красные глаза закатились; кровоточащий крест прорезался на голом торсе. Он стал с неестественной силой вырываться. В ответ на это свободный кулак полицейского невзначай упал на его живот. Люди смотрели на происходящие с оттенком безразличия.

Наконец вырвавшись, бесноватый мощным толчком повалил одно из господ в форме. Второй схватил его за растегнутую куртку. Одержимый с яростью прокусил ему руку. Кровь покапала на тротуар; кто-то взвизгнул.

Бесноватый ринулся бежать.

Отчаянно лавируя между прохожими он начал думать о

том, зачем он здесь.

– Твари! Дерьмо! Дерьмо! – прорывался скованный шепот.

Он думал "Это и есть жизнь?".

– Подонки! Паскуды!

Он создан чтоб творить зло.

– Ублюдки! Пидарасы!

А люди оборачиваются на него с насмешкой и говорят "смотри!" ...

Поток прохожих вынудил его свернуть. Он бежал не глядя, уже не помня зачем.

Вся его демоническая сила вложилась в эти отчаянные движения.

Сзади слышалось:

– Вон туда завернул!

На что эти тщетные попытки куда-то скрыться? От чего? Наверное, это инстинкт тела заставляет его продолжать бегство от людей в форме...

Что с ним сделали пока всеяляли? В кого они его вселили?
Ветер свистел так громко, что эти мысли сложно было удержать в голове.

Он неожиданно споткнулся. Споткнулся о женщину в платке, пахнущую чем-то тревожащим. Недовольно обернувшись на свалившегося на землю беса она визгливо крикнула:

– Госпади! Чуть не убил!

Он, стоя на разодранных коленях, поднял голову. Ослепительное сияние куполов резануло по нему. С божественной суровостью навис над ним храм. Сверкающие высоко на золотых холмах кресты упирались в небо. Его красные глаза молитвенно заблестели.

Сзади слышно:

– Вон, лежит!

Он поднялся и побежал мимо охающей толпы, не отрывая взгляда от крестов в небе.

Кровавая слезинка выпала из его красного глаза.

Люди расходились перед ним и провожали его брезгливыми взглядами.

А он бежал по широкой улице, наступая на плевки и окурки сигарет, не отрывая взгляд от крестов в небе...

Он бежал бесконечно, надрывая последние силы.
Путь до голгофы...

*****